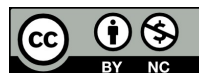

УДК 811.512.152; 398.1

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-63-86>

Оригинальная научная статья

Чулымские тексты, собранные С. Е. Маловым в 1908 г.: лингвистические и историко-этнографические особенности сказания о Малафее

В. М. Лемская¹ , М. А. Попов²

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

²Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль

 lemskaya@tspu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые особенности ранее не доступного языкового материала – архивных текстов на чулымском языке, собранных С.Е. Маловым во время поездки на Средний Чулым в 1908 г. Дается обзор расшифрованного материала, приводится краткая характеристика текстов (в т.ч. установленные сведения об авторах, их родовая принадлежность), к которым относятся песни, загадки, сказки, эпическое сказание. Авторы рассматривают лингвистические и историко-этнографические особенности одного текста – сказания о Малафее (информант К.П. Откуянов). В тексте обнаруживаются как явные параллели с сюжетами и мотивами тюркского эпоса южной Сибири, так и уникальные элементы, нехарактерные для региона и периода его записи. Основными историко-этнографическими особенностями этого текста являются: христианское имя главного героя, характерный для южносибирско-тюркского эпоса зачин с северо-восточными аналогиями в описании космогонии, адаптация описания богатства героя (от материальных ценностей, связанных с реалиями скотоводческого общества, к предметам обладания, характерным для таежных народов и др.), эпические мотивы, находящие параллели как в других чулымских текстах, записанных более, чем через полвека, так и в фольклоре калмыков, обских угров, телеутов, шорцев, хакасов, якутов. Лингвистически отличительные черты рассматриваемого текста включают: «цеканье», нехарактерное для среднечулымского диалекта, огласовка на *j* показателей рядов фонетического чередования, включающих *j*, *f*, *te*, тюркская лексика, отсутствующая в современных среднечулымских говорах, а также русские заимствования референциального и функционального характера, наслоение личных показателей предикативного склонения на форму деепричастия для образования финитной

© Лемская В. М., Попов М. А., 2026

формы сказуемого. Исследуемый материал являет собой неоценимый вклад в пополнение чулымского корпуса и сохранение нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа Севера чулымцев.

Ключевые слова: чулымский язык, среднечулымский диалект, тюркская лексика, С. Е. Малов, неопубликованные полевые тексты, фольклор, эпическое сказание, эпический мотив, «цеканье», прошедшее время на деепричастие

Благодарности. Авторы выражают благодарность А.В. Дыбо и Д.А. Функу за ценные замечания по интерпретации чулымского материала

Для цитирования: Лемская В.М., Попов М.А. Чулымские тексты, собранные С. Е. Маловым в 1908 г.: лингвистические и историко-этнографические особенности сказания о Малафее. *Арктика XXI век*. 2026;14(1):63–86. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-63-86>

Original article

Chulym texts collected by S. E. Malov in 1908: linguistic and historical-ethnographic features of the narrative about Malafei

Valeriya M. Lemskaya¹ , Mikhail A. Popov²

¹Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

²The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

 lemskaya@tspu.ru

Abstract

This article examines some features of previously inaccessible linguistic material: archival texts in Chulym Turkic collected by S.E. Malov during his 1908 trip to the middle flow of the Chulym River. It provides a brief overview of the deciphered material and a description of its texts (including the discovered information about the authors and their tribal affiliations), which include songs, riddles, fairy tales, and an epic tale. The authors examine the linguistic, historical, and ethnographic features of one text, the Narrative about Malafei (by the consultant K.P. Otkuyanov). The text reveals both clear parallels with plots and motifs of the Turkic epic tales of southern Siberia, as well as unique elements atypical of the region and the period in which it was recorded. The main historical and ethnographic features of this text are: the Christian name of the main character, a beginning characteristic of the South Siberian-Turkic epic with northeastern analogies in the description of cosmogony, an adaptation in the description of the hero's wealth (from material values associated with the realities of a pastoral society to objects of possession characteristic of taiga peoples, etc.), epic motifs that find parallels both in other Chulym texts recorded more than half a century later, and in the folklore of the Kalmyks, Ob Ugrians,

Teleuts, Shors, Khakass, and Yakuts. Linguistically distinctive features of the text under consideration include: the use of a “tsekanie” sound (ts-pronunciation), which is not typical for the Middle Chulym dialect, the use of *j* indicator of the phonetic alternation series, including *j*, *ʃ*, *ʈ*, Turkic vocabulary, which is absent in modern Middle Chulym subdialects, as well as Russian borrowings of referential and functional semantics, the verbal inflection of person in the predicative declension added directly to the adverbial participle to form the finite form of the predicate. The material under study proves to be an invaluable contribution to the Chulym Turkic corpus, and adds to the preservation of the intangible cultural heritage of the Chulym indigenous people of the North.

Keywords: Chulym (language), Middle Chulym dialect, S. E. Malov, Turkic vocabulary, unpublished field data texts, folklore, epic tale, epic motif, “tsekanie” (ts-pronunciation), past tense form in converbs

Acknowledgments. The authors express gratitude to A.V. Dybo and D.A. Funk for their advisory assistance in interpretation of the Chulym Turkic material

For citation: Lemskaya V.M., Popov M.A. Chulym texts collected by S. E. Malov in 1908: linguistic and historical-ethnographic features of the narrative about Malafei. *Arctic XXI Century*. 2026;14(1):63–86 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-63-86>

Введение

Чулымский язык – язык коренного малочисленного народа Севера – является одним из малочисленных и исчезающих тюркских языков, распространенным в среднем течении р. Чулым в Западной Сибири. По данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.¹, чулымцев насчитывается 382 чел., владеющих языком – 32 (по полевым сведениям свободно говорящих не более 12 [1]). В настоящее время существует только в виде среднечулымского диалекта, далее дробящегося на говоры: тутальский (Томская область) и мелетский (Красноярский край) [2].

История полевых исследований чулымского языка, а также общий объем зафиксированных полевых данных были детально описаны в статье [1]. Остановимся на содержании корпуса опубликованных текстовых данных чулымского языка XIX и XX вв. Общий объем этих текстов мы оцениваем примерно в 11 тыс. словоупотреблений. Сюда входят данные как нижнего, так и среднего диалекта. Первым текстом XIX в. явилась публикация В.В. Радлова на нижнечулымском говоре кюэрик –

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.01.2026).

ок. 4,5 тыс. словоупотреблений [3]; далее – тексты молитвы «Отче наш» и Символа веры на нижнем и среднем диалектах, опубликованные в Томских епархиальных ведомостях, – объемом около 400 слов [4].

Первыми опубликованными текстами XX в. явились описание охоты, предания, приметы и текст песни, опубликованные известным лингвистом Сергеем Ефимовичем Маловым (1880–1957) через год после своей командировки на Средний Чулым и верховья р. Томи с притоками (как части более обширной поездки через Томск и Причулымье в Хакасию и на Алтай) [5]. Эта экспедиция – первая для самого С.Е. Малова, – была предпринята им в 1908 году, еще в качестве студента факультета восточных языков Петербургского университета (окончил он его лишь через год после этого, в 1909). В период учебы С.Е. Малов, одновременно интересовавшийся самыми разными сферами науки, сблизился со многими культовыми фигурами гуманитарных кругов Петербурга 1900-х – он был учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.П. Нечаева; следствием этого же стала и экспедиция 1908 г., в организации которой деятельно помогали учителя и старшие коллеги В.В. Бартольд и В.В. Радлов.

Общий объем этих опубликованных текстов составляет всего ок. 350 слов. В публикации приводятся сведения о зафиксированных «среди томских, чулымских и кузнецких татар и телеутов» языковых данных: «23 песни, 6 пословиц, 28 загадок, 15 описаний разных обычаев, 20 сказок, 9 примет и поверий, 5 преданий», а также единицы, относящиеся к ономастике [5, с. 35]. Автор сообщал, что «все это... будет представлено после», однако о подобных публикациях нам неизвестно.

Среди других опубликованных текстов отметим тексты на нижнечулымском диалекте в работах А.П. Дульзона [6; 7] – ок. 530 слов; на среднечулымском диалекте – в работах М.А. Абдрахманова [8] – ок. 1700 слов, в пособии Р.М. Бирюкович [9], а также в рукописи ее докторской диссертации [10] – всего ок. 2 тыс. словоупотреблений.

Таким образом, объем текстового материала на диалектах чулымского языка, доступный широкой общественности в XIX и XX вв. оставался весьма скромным. В XXI в. в ряде публикаций представлены как аннотированные тексты из архивных рукописных собраний [11] (а также последующие тома), так и новые полевые материалы [12]. Эти и вышеупомянутые данные входят в «Корпус языковых данных чулымско-тюркских говоров», размещенный на портале «altaica»², а также в данные по чулымскому языку на Лингвистической платформе «ЛингвоДок»³.

² Monumenta Altaica. Режим доступа: <https://altaica.ru> (дата обращения: 23.12.2025).

³ LingvoDoc. Режим доступа: <https://lingvodoc.ispras.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

Материалы и методы

Вернемся к материалу, собранному С.Е. Маловым на Среднем Чулыме в 1908 г. (общий объем текстов, по данным нашей расшифровки, составляет 1820 словоупотреблений). По указанию самого автора он посетил следующие деревни на Чулыме: «Каштаково, Станок, Кохлаево, Бергаево, Апкашево (Ак-паш) и село Тутальское (Туталы)» [5, с. 35]. Из вышеперечисленных в настоящее время сохранилась только деревня Берегаево с представителями населения, идентифицирующими себя как чулымцы, но не говорящими на своем этническом языке [1]. Все отмеченные деревни, которые обследовал С.Е. Малов, находились выше по течению от деревни Перевоз, которая являлась своеобразной границей между нижним и средним диалектами [7, с. 464], и их жители – носители коренного языка чулымцев – относились к говорящим на среднечулымском диалекте. Информантом, поведавшим тексты, опубликованные С.Е. Маловым в отчете [5], стал Л.В. Долбанов из с. Туталы (район с. Тегульдета на правом берегу р. Чулым).

Перейдем к некоторым лингвистическим особенностям материала С.Е. Малова. Для фиксации языкового материала им была использована академическая система фонологической транскрипции для максимальной точности фиксации речевого материала (что, несомненно, следует считать передовым для своего времени методом, позволяющим сохранить для науки особенности идиомов). В свете этого вызывает особый интерес «звук <ц>, присутствующий в чулымских материалах С.Е. Малова, который также встречается в ряде диалектов тюркских языков: барабинском, кюэрикском, тобольском, мишарском и луцко-караимском наречиях. Примечательно, что данный звук более характерен для женской речи, в мужском произношении часто наблюдалась замена звука <ц> на <ч>» [5, с. 35]. Полвека спустя присутствие <ц> на Среднем Чулыме А.П. Дульзоном не отмечено, установлены четкие соответствия нижнечулымского <ц> среднечулымскому <ч> в ауслауте и среднечулымскому <ш> в анлауте [5, с. 465], что, однако, вполне гармонично вписывается в систему рядов тюркского фонетического чередования [13]. При явно напрашивающемся выводе об определенной динамике языкового развития на Среднем Чулыме, считаем, однако, важным отметить следующие факты. Статус отмеченного С.Е. Маловым «звука <ц>» совершенно неясен. Несмотря на указанное сходство с иными тюркскими идиомами, его также имеющими, более точных лингвистических характеристик не приводится. Главный вопрос – является ли этот «звук» глухой альвеолярной аффрикатой /ts/, либо разновидностью глухой постальвеолярной аффрикаты /ʈ/, на слух воспринимаемой как звук со свистящим компонентом.

Подобный вопрос является важным для тюркологических исследований ввиду того, что разграничение на изоглоссы с /ts/ и /ʃ/ является не только одной из типологических характеристик тюркских идиомов, но и проливает свет на их историческое развитие.

Следует отметить, что неопубликованные чулымские тексты С.Е. Малова в составе его полевых дневников хранятся в Санкт-Петербургском филиале отделения Российской академии наук (персональный фонд С.Е. Малова Ф. 1079, Оп. 1, дела 400 и 401); они занимают относительно небольшую часть дневников, – основной массив этих двух дел посвящен хакасским и алтайским материалам. Два наиболее крупных текста записаны С.Е. Маловым от К.П. Откуянова в дер. Берегаево (в записях С.Е. Малова *Бергäй*, в архивных материалах А.П. Дульзона – *бергай*), на 1908 год это еще т. н. Старо-Берегаево, – ныне не существующая деревня, постепенно перенесенная на новое, современное место после наводнений начала 1910-х. Данных о самом Константине Откуянове у нас недостаточно, серьезной биографической информации о нем пока найти не удалось. Вероятнее всего, он мог быть сыном Поликарпа Федоровича Откуянова, впоследствии первопоселенца нового Берегаево, первым перебравшегося из Старо-Берегаево в 1915 году, – а сыном самого Константина, вероятнее всего, был Петр Константинович Откуянов (1911–1942), призванный из Берегаево в 1941 г. Тегульдетским РВК и пропавший без вести в ноябре 1942 (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 451. Л. 7). Таким образом, на 1908 год в этом случае речь идет о человеке среднего возраста, 25–40 лет, – что выводит нас за рамки ситуации бытования фольклорных текстов исключительно в среде старшего поколения, что характерно для Причулымья в более поздний период. Заметим, это также представитель вполне конкретной и очень специфической семьи: Откуяновы возводили свою родословную к легендарному родовому князю (*атэзи*) Бергай-атэзи. Подавляющее большинство позднейших информантов, от которых записывали фольклорные тексты Р.М. Бирюкович и Э.Л. Львова, принадлежали к «поколениям»-*ээрэн* (родовым группам, линиджам), возводящим свою родословную к другим предкам, – князям-*атэзи* или богатырям-*алыпам*, – Девяти Братьям, Тутышкабырге или Атнэл-атэзи (вопрос о возможных этимологиях указанных имен выходит за рамки настоящей статьи и нуждается в отдельной проработке). В «генеалогических» эпических текстах, записанных Э.Л. Львовой выше по Чулыму, Бергай-атэзи выступает главным антагонистом, – вероломным противником связанных родством Тутышкабырги и Атнэл-атэзи, ночным налетчиком, грабителем и жестоким убийцей.

Учитывая вышесказанное, тексты, записанные в Берегаево от представителей семьи Откуяновых, представляют для изучения чулымского фольклора особенный интерес: перед нами слой фольклора, сформировавшийся и на некотором пространственном удалении (по меркам Причулымья) от «традиционных» мест последующей записи известных нам чулымских фольклорных текстов (восточнее современного Тегульдета, в пограничье Томской области и Красноярского края); и в рамках, возможно, различных «семейных» традиций, по-разному расставлявших акценты даже в одних и тех же сюжетах, и могущих различаться текстуральным составом в целом. Кроме того, как лексика, так и грамматика самих текстов содержит ряд специфических черт, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

Результаты и обсуждение

Дадим краткую характеристику чулымских текстов из дневников С.Е. Малова. Несколько коротких песен и две загадки были записаны от вышеназванного информанта Константина Откуянова. Короткий текст сказки о золотой «лапе»⁴, золотом лине (в ненормализованной записи самого С.Е. Малова *џарабалык* < *kara palik* 'букв. черная рыба') и золотом орле (*күңүген*) был записан от Лукьяна Никифоровича Откуянова, о котором нам ничего не известно. Две песни (и несколько текстов, опубликованных в итоге С.Е. Маловым в составе его статьи 1909 года [5]) были записаны от Л.В. Долбанова / Толбанова. Сам С.Е. Малов в статье 1909 г. обозначил его фамилию в первом варианте – через «Д», в такой же форме эта фамилия встречается иногда в записях исследователей советского периода; но при этом в рукописях С.Е. Малова тот же информант упоминается именно как «Толбанов», и в такой же форме эта фамилия чаще всего встречается впоследствии, уже в советское и постсоветское время. В обоих случаях эта фамилия относится к одной чулымской семье, принадлежащей к «поколению» Атнэл-атэзи. Опубликованный текст был записан в Туталах; о самом Леонтии Толбанове дополнительных сведений нет. С.Е. Малов называл его в примечаниях к статье «стариком»; его сыном, вероятнее всего, был Федор Леонтьевич Толбанов (р. 1873), из ныне исчезнувшей деревни Кандеево в окрестностях Берегаево, кратковременно арестованный в 1920 г. [14, с. 262]. Наконец, от некоего Матвея Семеновича (без упоминания фамилии) со ссылкой на С.Д. Томачакова была записана краткая версия хорошо

⁴ На данном этапе анализа мы идентифицируем рукописное слово как «табиц», либо «табшу», что связываем с архивным обозначением значения 'лапа' как «табыч» для среднечулымского. Эту трактовку, однако, считаем промежуточной, необходимо дальнейшее исследование материала в узком и широком контексте.

известного по другим записям чулымского эпического сказания «Мангуш» [8; 11]; и несколько кратких текстов – песня и три приметы, – записаны без атрибуции информанта (по упоминанию в самих дневниках – в ныне несуществующем с. Кохлаево).

Объем статьи не позволяет привести полный лингвистический и фольклорно-этнографический анализ всех вышеперечисленных текстов (публикация анализа материала, однако, запланирована в очередном томе серии [11]), поэтому обратимся к рассмотрению особенностей одного из них за авторством К.П. Откуянова, представляющего собой изложенное в кратком варианте (при этом достаточно подробно и информативно) эпическое сказание о женитьбе героя. Объем этого текста составляет 355 словоупотреблений. Очевидно, это самостоятельный текст, который не представляет собой вариацию какого-либо из ранее известных чулымских фольклорных текстов, однако вполне анализируется с точки зрения сюжетно-мотивной структуры: в нем находятся как очевидные аналогии другим сюжетам и мотивам эпоса тюрков южной Сибири, так и редкие мотивы, совершенно нетипичные для места и времени его фиксации, см. начало текста (пример (1); для экономии места приведем глоссирование по оригинальной транскрипции С.Е. Малова без выравнивания и установления архиморфем со свободным переводом на русский язык):

(1) *Чер пұт-кән чер таш-кан. Ак терәк паш-ы ал чај-җан. Малапей бул туҗ-җан.*

Земля возникать-Pst земля носить-Pst. Белый тополь голова-3Poss. Sg цвести стелить-Pst. Малафей сын родиться-Pst.

‘Земля возникла, землю носили. Белого тополя голова зацвела. Родился сын/парень Малафей.’

Имя главного героя, – Малафей (чул. *Малапей*), – не встречается в других чулымских фольклорных текстах; за единственным исключением – в одной из записей Э.Л. Львовой это имя встречается как альтернативное имя *алына* Тутышкабырги, ключевого протагониста «тутальского цикла» [15, с. 110; 16, с. 176, 183]. Найти истоки появления в чулымском фольклоре вполне христианского имени (народной версии имени Малахий / Малахия) затруднительно, а любая гипотеза в этой области, не будучи подкреплена текстуальными или фольклорными доказательствами, будет по определению сомнительна; однако возможно все же выдвинуть несколько предположений. Во-первых, в позднем русском фольклоре XV-XVII вв., – в частности, в текстах об Анике-Воине, – встречается упоминание «богатыря Малафея» или «Малафера» [17, с. 463] (восходящего к искаженной трансляции в народной литературе библейского Олоферна) как одного из соперников Аники, также

не выдержавшего схватки с персонифицированной Смертью. Во-вторых, в шорском фольклоре, в записях из сеока кобый (толь Шулбай) встречаются тексты об *алыне* Алабее, сыне Шулбая [18, с. 311]: в одном из сказаний он благодаря своей хитрости, умению стрельбы из лука и помощи мудрой жены обманывает взявших его в плен татар, похитивших его доспехи и оружие; в другом – побеждает угнетавших шорцев «степных ханов», выступает на войну с «русскими ханами», но погибает от их рук. Возможно, какой-то один или оба этих источника в контаминации дали имя чулымскому Малапею.

Имя несговорчивой невесты героя, Эбенек-кызы, еще более загадочно, см. пример (2):

(2) *Ол ебенек кыз-ын-ы ал-арҕа бо-п тур.*

Он Эбенек девушка-3Poss.Sg-Асс братъ-Inf быть-Cvb Aux:стоять
 ‘Он хочет взять (жениться) девушку Эбенек.’

В рукописи С.Е. Малов приводит рядом с ее первым упоминанием помету «Энејек?», впоследствии перечеркнутую. Загадочное *энејек* находит себе достаточно очевидную параллель – хак. *інейек* ‘старушка’. К употребляемому С.Е. Маловым после этого *эбенек* можно найти параллель в виде уменьшительных форм тат. *эби* ‘бабушка / старушка’; в то же время, с семантической точки зрения подобные параллели сомнительны и пока не вполне логичны, т.к. Эбенек-кызы в тексте выступает отнюдь не старушкой, но молодой девушкой, завидной и желанной невестой. Гипотетически, впрочем, возможно предположить здесь еще один вполне логичный вариант: сложную формацию от чул. *ān* / *ān* ‘дом’ (с озвончением согласной в косвенных формах), чул. *ānā* (ср. шор. *эне*, хак. арх. *іне*, тат. *эни*) ‘мать, хозяйка’ и диминутива *-јак* / *-јāk*, т. е. **Āb-ānāјāk-кызы* ‘Дома матушка-хозяйюшка девушка’. Заметим, что эта этимология вполне укладывается в общую логику «более нижнечулымского облика», большей близости берегаевской диалектной нормы в начале XX века к нижнечулымскому «цокающему» говору; в зафиксированной публикациями версии тутальского и мелетского говоров с их переходом *j > ʃ* > *ɕ*, диминутив выглядел бы как **-ч(и)а(ä)к* [8; 12].

Сюжет «Малафея» может быть кратко изложен следующим образом (необходимо сделать поправку на то, что само записанное С.Е. Маловым изложение было явно схематическим – сохраняющим сюжет и даже некоторые ключевые эпические формулы, но утратившим большую часть характерной стилистики и образности). В некоем мифологическом начале времен («когда земля возникла, когда землю носили, / когда белого тополя верхушка зацвела») родился герой, юный Малафей. Он растет, взрослеет и становится отличным охотником,

способным подстрелить любого зверя; на берегу реки в его владениях стоят сорок амбаров (*кл̄āt*) с мясом; рядом, в ложбине – тридцать амбаров с пушниной. Малафей хочет взять в жены Эбенек-кызы и, готовясь к этому, выбирает себе богатырского коня. Пригнав стадо и наудачу раз за разом бросая аркан, он попадает петлей в одного и того же жеребенка; этого жеребенка он и выбирает в качестве коня – но, не имея седла и не умея правильно сесть на коня, падает при попытке его оседлать. После этого Малафей входит в правое ухо коня, выходит с упряжью, заседлывает коня; входит в левое, выходит умытым и причесанным красавцем, садится на коня и едет к Эбенек-кызы, по пути то плача и печалясь о недоступности и капризности Эбенек-кызы, то напевая *кай*. Подъехав «к поскотине» жилища Эбенек-кызы (эта бытовая реалья, явно вошедшая в чулымскую культуру и вслед за ней в фольклор достаточно поздно, передается русским заимствованием: *паскотина*, см. пример 3 ниже), Малафей превращает своего коня, упоминающегося здесь уже под собственным именем Чел-Караты (< *чел кара ат-ы ‘ветер черный конь-3Poss.Sg; Ветер-Вороной / Вороной Ветер’), в ворона, а сам обращается мухой (пример 4).

(3) *Ол еб̄āй̄к кыс-тын Малапей паскотина-зын-а чет-кен.*

тот Эбенек девушка-Abl Малапей поскотина-3Poss.Sg-Dat достигать-Pst

‘От той девушки Эбенек Малафей доехал до поскотины.’

(4) *Чел кар-āt-ын-ы кускун ет-і-сал-ѳан. Ол Малапей оул оз-ў ыскала бо-п пар-ѳан.*

ветер черный-конь-3Poss.Sg-Acc ворон делать-Cvb-Aux:класть-Pst. тот Малафей парень сам-3Poss.Sg муха быть-Cvb Aux:уходить-Pst.

Дом Эбенек-кызы охраняют 40 солдат, их глава твердо намерен не допустить никого к хозяйке; однако Малафей в облике мухи влетает в ее спальню через окно, приняв после этого человеческий облик. Проведя с Эбенек-кызы ночь, он вновь обращается мухой и вылетает в окно, минуя стражу; на поскотине он вновь становится человеком, обращает Чел-Караты из ворона в коня и направляется домой. Вернувшись домой и вновь начав охотиться, он забывает об Эбенек-кызы. Та, забеременев, вынашивает плод 12 месяцев, и у нее рождаются «два железных сына»; сыновья растут с ней, без отца. Во время одного из походов на охоту Малафей убивает двух лосей; однако два ворона, прилетев, уносят их. Вскоре после этого Эбенек-кызы пишет Малафею письмо, требуя приехать к ней; тот, оседлав коня, направляется к ней, по пути распевая *кай*; на этом сюжет обрывается.

Зачин текста абсолютно типичен для эпоса (и, в меньшей мере, параэпических сказочных текстов) южносибирских тюрков, ср. полностью посвященную зачинам этого типа главу в работе Д.А. Функа [19, с. 287–297]. Та же схема зачина встречается в чулымском эпическом тексте «Мангуш» в записи М.А. Абдрахманова [8, с. 58–69; 12]: «когда текла вода, начался белый тополь, полили хлеб, были скорые плоды, седлали, жили три брата». Из этой схемы крайне интересным образом «выбивается» вторая часть зачина. Если в «классической» южносибирской версии описание начала мира связано с первозданными водами и их «разделением» (ср. оборот, регулярно вызывающий споры и затруднения, обычно переводимый как «когда камышом воду делили» [20, с. 124–125]), то чулымский вариант подразумевает иную, находящую себе более северо-восточные аналогии, версию формализованного описания космогонии: «когда землю носили», что, возможно, указывает на связь этой формулы с чулымским космогоническим мифом, в котором земля, изначально представлявшая собой скромный клочок почвы, вытасненной гагарой со дна первозданного моря, увеличивается от попыток черта сбросить в море задремавшего на этой земле Бога [15; 12, с. 12]: с каждой новой попыткой черта стащить Бога в воду земля лишь расширяется. Строго говоря, сюжет распространен в немалой части Сибири, северной и восточной Европы – по мотивно-сюжетному указателю Ю.Е. Березкина – это мотив ВЗС, «Попытка утопить Бога». Можно проследить определенную аналогию со схемой зачина якутского олонхо, цитируемой М.Т. Сатанар со ссылкой на записи В.О. Каратаева: «Госпожа мать-земля моя, / величиной с пятачок серой белки будучи, / расширяясь-растягиваясь, / разрастаясь, рождалась; / подобно вывернутому, / мягкому, как замша, уху / двухгодовалой важенки / растопыриваясь во все стороны, / постепенно увеличилась, оказывается» [21, с. 263].

Типично, в целом (хотя интересно варьируется с особой поправкой на объективные социальноэкономические и исторические условия), обозначение владений Малафея в начале текста (пример 5):

(5) *Кыр-да тур-бан кырык klät; кырык klät içinda нес толу алыц ол klät içinda. Ој-да тур-бан отус klät мал-ы.*

берег-Лос стоять-Pst 40 амбар; 40 амбар внутри вес полный лось тот амбар внутри. Ложбина-Лос стоять-Pst 30 амбар скот-3Poss.Sg

‘На берегу стояли 40 амбаров; внутри 40 амбаров все полно сохатыми в тех амбарах. В ложбине стояли 30 амбаров с пушниной.’

Перед нами, в сущности, аналог традиционного для сибирских тюрков описания в зачине эпического текста несметного богатства и изобилия, которыми наделены владения протагониста-богатыря; ср.

у шорцев: «На хвосты друг другу наступая, [цвета] шерсти [друг друга] не знающий / В этой земле скот пасется» [20, с. 87], «По берегу черного моря / Белый скот бродит, / Счастливый народ [повсюду] живет» [21, с. 178], «По берегу белого моря / Бесчисленный / Народ-общество [повсюду] живет. / Разношерстный / Белый скот, [словно река] растекаясь, / Бродит по этой земле» [20, с. 229]; у якутов: «Короткогривых, со светлой чистой шерстью / Лошадей его табуны [нужно считать] долинами» [22, с. 1235]; у алтайцев: «Вскормленный белый скот его, / На хребтах Алтая вмятины [-следы] оставляя, / Поверхность Алтая шесть раз обошел. / Народ его, если [о нем] сказать, / На хребтах земли вмятины [-следы] оставляя, / Поверхность земли семь раз обошел» [22, с. 21] и т. д.

Однако у чулымского народа, давно оставившего скотоводческие традиции своих тюркских предков, и сложившегося именно как самостоятельная этнокультурная общность уже в сугубо не-скотоводческих условиях, эпическое богатство и изобилие, сохраняясь как сюжетная универсалия, меняют форму: вместо неизмеримых пастбищ и несметных стад скота перед нами предстают логичные для фольклора таежных охотников амбары с мясом и пушниной. Стоит заметить, что аналогичная формулировка для богатства героя вне контекста эпического зачина, уже в сюжетной части повествования встречается у хантов («Богатыри города Сонг-хуша»): «После этого своему тонху, одетому в малицы из медвежьих и лосиных шкур, / На боровой стороне реки он пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушным товаром, / На урманной стороне он ему пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушниной. / Торчавшие наружу соболю хвосты обвевал ветер, как шкурки весенних чаек. / Торчавшие наружу беличьих хвосты обвевал ветер, как шкурки осенних чаек» [23, с. 160].

К кругу эпических мотивов принадлежит и сцена выбора Малафеем своего будущего коня Чел-Караты, пример 6:

(6) *Ол пер өүр мал-ын-ы а-ке-п сүр-үп кәл-гән. Пәктә-н аран-ын-ба. Ол тут-кан сызын-была. Сколко күрә-бес-іе котурлу тай-ба төл сызын-ы кере-птір. Цынап сен котурлу тај ма ат пол-бај-сын.*

он один стадо скот-3Poss.Sg-Acc брать-приходить-Cvb гнать-Cvb Aux:приходить. запирать-Pst амбар-3Poss.Sg-Dat. он держать-Pst ?аркан-Com. Сколько бросать-Ptcp.Neg-?Cvb ?жеребенок-Dat часто ?аркан-Acc ?бросать-Pst. правда ты ?жеребенок мне конь быть-Opt-2Sg

‘Он, пригнав одно стадо скота, пришел. (Он) запер (его) в стойку. Он схватил (держал) аркан. Сколько бы ни бросал аркан, часто на жеребенка бросает. По правде ты, жеребенок, мне будешь конем.’

Прерывая обзор сюжета, отметим несколько показательных моментов этого фрагмента. Помимо вышеобозначенной фонетической особенности (наличие «нижнего» *ц*: *цынан*), присутствует и нижнечулымский вариант формы желательного наклонения на *-гай* (то, что соответствует *-гач* в идиомах среднего течения Чулыма). В лексике употребления общетюркское обозначение лошади *ат*, которое в современных среднечулымских говорах не отмечено (наличествует *чылгы*, либо *щылга* в зависимости от варианта идиома). Кроме того, в рассматриваемом фрагменте присутствует заимствования из русского языка: *сколко* ‘сколько’ (что примечательно, следующим за приведенным фрагментом словом является также из русского *ежли* ‘ежели’).

Кратко и предельно тезисно описанная сцена выбора коня вновь находит определенную проявляющую ее параллель в другом, записанном более развернуто, чулымском эпическом тексте «Кѳзугюрян» [9, с. 77–86; 24]: его герой, сын Ак-кана Кѳзу, выбирая своего будущего богатырского коня, пригоняет свой табун и планирует накинуть аркан на жеребца, но промахивается, набрасывая аркан на плохонького конька-двухлетку; то же повторяется и при следующей попытке, с другим табуном, – после чего плохонький двухлетка, заговорив с Кѳзу, ведет себя как положено богатырскому коню, становится верным спутником героя и дает ему мудрые советы [24]. Вне чулымского (и в целом южносибирско-тюркского) круга схожий мотив – выбор богатырем будущего коня с применением аркана – встречается в калмыцком эпосе, ср. у Б.Б. Манджиевой: «...герою необходимо найти своего предназначенного коня, поймать его и оседлать <...> Герой набрасывает жеребенку на шею аркан со словами: «Если ты мой предназначенный конь, то непременно накинься на шею!» [25, с. 411].

Сцена, схожая с чулымской по другому признаку (не выбора коня с помощью аркана, а выбора внешне «нежелательного», далеко не самого впечатляющего коня, на деле оказывающегося подлинно богатырским спутником) вновь обнаруживается северо-западнее, у обских угров: «Он отправился к месту, где находились лошади. Когда он кладет на лошадей свою руку, они не выдерживают его руки, когда он заносит на лошадей свою ногу, они не выдерживают его ноги. <...> Один жеребенок весь в коросте около него трется. Он схватил жеребенка, жеребенок не тронулся с места, на котором стоял. Он клал на него свою руку, жеребенок не обращал на это внимания, он закидывал на него свою ногу, жеребенок стоял как ни в чем не бывало. Он подумал: «Бог не предназначил мне хорошей лошади, предназначенный мне конь – вот этот»» [23, с. 222].

Сразу за этой сценой следует момент, комбинирующий сразу два родственных мотива. Пытаясь сесть на коня (а точнее, на жеребенка), не оседлав его, Малафее падает, что могло бы придать героическому облику богатыря определенные комические ноты, однако происходит следующее (пример 7):

(7) *Аның сонда ол оң кула-н-ба кер-гән. Оң кулаб-ын-дын іјер а-п ык-кан. Ат-ын-ы іјәр-лә-п сал-бан. Сол кулаб-ын-ба кер-ән. Чунн-уп таран-ып ык-кан.*

этого потом он правый ухо-3Poss.Sg-Dat входит-Pst. Правый ухо-Poss.Sg-Abl седло брать-Cvb выходить-Pst. Конь-3Poss.Sg-Асс седло-v-Cvb Aux:класть-Pst. Левый ухо-3Poss.Sg-Dat входит-Pst. Умываться-Cvb расчесываться-Cvb выходить-Pst.’

‘После этого он в правое ухо зашел. Он из уха, седло взяв, вышел. (Он) коня оседлал. В левое ухо (он) вошел. Умывшись, расчесавшись, (он) вышел.’

По указателю Ю.Е. Березкина эта сцена описывается двумя мотивами: «I120A. Войти в ухо животного» и «I120B. Достать из уха животного». По всей видимости, везде, кроме чулымского ареала, два этих очевидно близких мотива являются взаимоисключающими: главный герой либо входит в одно ухо животного (обычно коня или коровы) и выходит из другого красавцем / красавицей, зачастую в резком контрасте с предыдущим неприглядным обликом, либо достает из уха животного (иногда проходя через него) некие ценные вещи: одежду, оружие, сбрую, сокровища, магические предметы; но не то и другое враз. Эти мотивы сочетаются одновременно лишь в чулымских текстах: в «Козугюряне», где герой проделывает это же при встрече со своим конем («Через левое ухо пройдя, седло принеси,» – сказал (он). В левое ухо войдя, седло вынес. «Через правое ухо пройдя, одежду вынеси,» – сказал (он)» [26, с. 299]); и, как очевидно, в «Малафее».

В описываемой далее сцене поездки Малафея к Эбенек-кызы интересно упоминание пения *кай*: *ол кәјләпбән* (< ол кәј-лә-п-бән ‘он кай-v-Cvb-Pst’), что сам С.Е. Малов комментирует на русском маргиналией: «пѣсни пѣлъ». Перед нами, судя по всему, первый и пока что единственный случай эксплицитного (без догадок и реконструкций по косвенным признакам) упоминания в чулымских фольклорных текстах именно пения *кай* и существования в чулымской среде самого этого термина. Это предложение демонстрирует еще одну языковую особенность идиома: наложение временного показателя прошедшего времени на депричастие. Ранее для тутальского говора была зафиксирована форма настоящего времени на -(I)B(I)l(X) (позже на основе полевых данных

установлено, что этот вариант только для второго лица) без эксплицитного временного показателя с наращиванием личных окончаний на суффикс деепричастия, см. дискуссию в [27], помимо этого возникал вопрос, является ли такая форма инновацией. Исследуемый в настоящей работе текст вполне указывает на сравнительно давнее существование такой комбинации. Особенности глагольного словоизменения с основой на деепричастие без видимых показателей времени нуждаются в дальнейшем изучении.

Сюжет истории о Малафее продолжается следующим образом. Выехав к окрестностям дома Эбенек-кызы, Малафей превращает Чел-Караты в ворона, а сам обращается мухой; облетев стражу, он проникает в покои Эбенек-кызы и проводит с ней ночь. Само превращение героя и его коня (как маскировки ими своих облика и возраста под безобидным личинами, так и полной трансформации с превращением в птиц, животных или предметы) – более чем частотно в эпосе южносибирских тюрков (ср. у телеутов: «Раз – изменившись, два – превратившись, / Сам паршивым плешивцем стал, / Коня своего со скатавшейся сухой шерстью / облезлым жеребенком-двухлеткой сделал» [28, с. 83]; у шорцев [22, с. 1167–1168]; хакасов [22, с. 953–961]; или якутов [22, с. 1295–1299]); а превращение Малафея в муху – мотив весьма специфичный и интересный. Перед нами момент, подпадающий сразу под две категории указателя Ю.Е. Березкина: «К16. Птичка становится юношей» и «К17. Орнитоморфный жених» (в обоих случаях описание мотивов подчеркивает, что кроме птицы герой может принимать и облик других малых, преимущественно крылатых, созданий, как правило, насекомых). Любопытно, что, во-первых, этот мотив в целом нетипичен для Сибири (богатыри южносибирской эпической традиции, как правило, принимают птичий облик в целях скорее военных, нежели романтических), – если картографировать эти два мотива, на месте Сибири обнаружилась бы «дыра» от Волги до Приамурья; во-вторых, еще менее типичен для Старого света в целом мотив превращения героя, пробирающегося мимо стражи к любимой, именно в насекомое (если герои-любовники американской индигенной мифологии, особенно у атабасков и тотонаков, стабильно превращаются именно в цикад или блох, европейские и азиатские все же «предпочитают» птичий облик; возможно, впрочем, вновь провести некоторую параллель с олонхо, в которых иногда одним из образов метаморфоз героя выступает пчела [30, с. 18). Обращают, впрочем, на себя внимание две параллели в сказочных текстах литовцев и турков: и там, и там главный герой проникает к невесте, преодолевая охрану, в облике муравья.

Долгая, двенадцатимесячная беременность Эбенек-кызы сыновьями-богатырями (пример 8) – в принципе достаточно распространенный в Сибири и центральной Азии мотив, находящий себе широкий круг параллелей.

(8) *Он-йе ај чөр-ән. Ые темір оул туҕ-ан.*

Десять-два месяц ходить-Pst. Два железо сын роджать-Pst
'(Она) ходила 12 месяцев. Два железных сына родила.'

Касательно этого мотива следует упомянуть среди самых ранних и географически удаленных из возможных влияний, очевидно, двухлетнюю беременность Гандхари, вынашивающей Дурьодхану [29, с. 316] и долгую беременность императрицы Дзингу (годовая – по одним источникам, трехлетняя – по другим), вынашивающей будущего императора-героя Одзина [31, с. 52]. Из более близких можно привести шорские параллели: «Алтын-Сабак на шестом месяце беременности оставалась, оказывается. / Девять месяцев прошло, / На десятом месяце рожать стала.» [20, с. 181]; «Наступил день, когда, после девяти месяцев, Черная Шибельдей должна была от родовых схваток (взад и вперед) ходить, настал день, когда после одиннадцати месяцев Черная Шибельдей должна была, сидя, родить. Потом Черная Шибельдей родила» [22, с. 1131]; «Алтын Коок девять месяцев в родовых схватках билась, на одиннадцатый месяц, сидя, родила» [22, с. 1133]; а также хантыйские, из уже упоминавшегося выше сказания о богатырях города Сонг-хуша: «Тогда в углу ее обжорливого живота свернулся как бы клубок из золотистого шелка. Десять лунных месяцев, которые женщины носят плод, она его носила. Наконец она разрешилась от бремени у комля дерева, где женщины рожают» [23, с. 162].

«Железные» сыновья-богатыри Малафея не выбиваются из общесибирского контекста: представление о богатыре как о «железном», «железнотелом» встречается одновременно южнее и севернее Причулымья. С одной стороны, подобные упоминания встречаются в тувинских эпических текстах («[Ханша] мальчика-ребенка родила: / Глянешь на его поясницу – / Из чугуна сотворена, / Глянешь на его грудь – / Из стали сотворена» [22, с. 635]) и изредка в шорских («У ребенка Шайгын-Мергена у основания ребер, где их разделить, нет места, чтобы в хребте его сделать отверстие – нет места. Как чистая сталь, как сплошной чугун мальчик сотворился» [18, с. 23]). С другой – такие мотивы зафиксированы в записях Г.И. Пелих селькупского фольклора еще в 1960-х [32, с. 342]. Если принять этот сюжет как один из вариантов более широкого мотива о богатыре как «цельнотелом», «со сплошными ребрами» (в связи с чем чулымский фольклор укажет нам на некоторые связи с текстами

об *алыне* Тутышкабырге, чье имя, в сущности, и означает «Сплошное ребро»), – N4, «Сплошные ребра» по указателю Ю.Е. Березкина, – то перед нами и вовсе раскинется широкая картография мотива, охватывающая немалую часть центральной Азии, северной Европы и Кавказа.

Заключение

Завершая анализ текста о Малафее, стоит упомянуть два небезынтересных момента. Во-первых, в случае эпизода с трансформациями протагониста обращает на себя внимание следующее. В целом, для эпоса сибирских тюрков нормально превращение героя в птицу; Малафей обращает в ворона Чел-Караты; и в облике двух воронов же в финале появляются, судя по всему, его сыновья (в целом по обрыву сюжетной линии именно здесь достаточно логичным выглядит предположение, что это финал того, что у шорцев называлось *чол* – «путь» сказания, сюжетная арка, посвященная тому или иному герою; вероятно, следующий «путь» был посвящен уже выросшим сыновьям-богатырям Малафея и Эбенек-кызы), пример 9:

(9) *Jigi kuskun ke-n ol jigi булан-ны а-п-пар-ыб-ган.*

Два ворон приходить-Cvb тот два лось-Асс братъ-Cvb-Aux:уходить-Cvb-Pst

‘Два ворона прилетев, тех двух лосей унесли.’

Сам Малафей в тексте превращается исключительно в насекомое (см. пример (4) выше), однако в большинстве параллельных традиций протагонист проходит несколько последовательных превращений. В порядке реконструкции гипотетического прототекста «Малафея» – не как монолитного «оригинала», но более полной версии сказания до достаточно очевидной утраты многих деталей – возможно поставить вопрос о том, не предполагал ли исходный сюжет превращения в какой-то момент в ворона и самого Малафея.

Во-вторых, любопытно сходство «Малафея» сразу по нескольким мотивам с нанайским сказанием о мергене Палим Подо; ср. по цитированию в указателе Ю.Е. Березкина, со ссылкой на сборник В.А. Аврорина: неприглядный внешне, плешивый и сопливый, он сватается к дочери царя; отправившись с братьями невесты на охоту, тайком улетает от них, превратившись в пчелу; проходит через левое ухо своего коня и становится красавцем-богатырем; незамеченный, убивает в полете добычу за братьев невесты (вспомним о подчеркивающихся в чулымском тексте охотничьих способностях Малафея – и о двух лосях, которых уносят вороны в финале сказания).

Языки и фольклор коренных малочисленных народов Севера из числа жителей Томской области представляет собой кладезь лингвисти-

ческих и этнографических данных, порой зафиксированных и сохранившихся весьма обрывочно. Тексты из рукописных дневников С.Е. Малова представляют огромный интерес как для отдельных, так и междисциплинарных исследований. В дальнейшем планируется детальное изучение каждого из установленных текстов с подробным анализом лингвистического и фольклорно-этнографического характера. Эти тексты, наряду с недавно опубликованными и еще обрабатываемыми нижнечулымскими текстами из архивов А.П. Дульзона [33] вносят неоценимый вклад в пополнение собрания нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа Севера чулымцев.

Сокращения

- арх. – архаичная форма
- букв. – буквальный перевод
- тат. – татарский язык
- хак. – хакасский язык
- чул. – чулымский язык
- шор. – шорский язык
- ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны
- 2Sg – форма 2 лица единственного числа
- 3Poss – форма принадлежности 3 лица
- Abl – форма исходного падежа
- Acc – форма винительного падежа
- Aux – вспомогательный глагол
- Com – форма совместного падежа
- Cvb – форма деепричастия
- Dat – форма дательного падежа
- Inf – форма инфинитива
- Loc – форма местного падежа
- Opt – форма желательного наклонения
- Pst – форма прошедшего времени
- Ptcp.Neg – форма отрицательного причастия
- Sg – форма единственного числа
- v – суффикс глагольного словообразования

Литература

1. Лемская В.М., Токмашев Д.М., Зимин М.М. и др. Полевые исследования чулымско-тюркского языка: история и экспедиции 2023 г. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024;2(50):120–130. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-120-130>

2. Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2015;4(10):24–35.
3. Радлов В.В. *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. II. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик)*. СПб. 1868.
4. Л-въ Н. Поѣздка Преосвященнаго Макарія. Епископа Бійскаго, къ Чулымскимъ инородцамъ Маріинскаго округа. *Томскія епархіальныя вѣдомости*. 1886;(8):15–21.
5. Малов С.Е. Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова. *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и антропологическом отношениях*. СПб. 1909;(9):35–46.
6. Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык. *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. 1952;(9):76–211.
7. Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык. В: *Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки*. М.: Наука. 1966:446–466.
8. Абдрахманов М.А. Тексты чулымско-тюркского языка (средне-чулымский диалект). В: *Языки и топонимия Сибири. Т. II*. Томск: Издательство Томского университета. 1970:58–69.
9. Бирюкович Р.М. *Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу*. Саратов: Издательство Саратовского университета. 1984.
10. Бирюкович Р.М. *Строй чулымско-тюркского языка*: Дис. ... докт. филол. наук. Москва. 1980.
11. *Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала* / ред. А.Ю. Фильченко. Томск: Ветер. 2010.
12. Кондияков А.Ф., Лемская В.М. *Чулымско-тюркский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края: 2007–2021 гг.* Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021.
13. Бирюкович Р.М. О некоторых исторических чередованиях в чулымско-тюркском языке. *Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики: материалы Всесоюзной конференции*, Москва: Наука. 1975:274–279.
14. *Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.* Томск: Изд-во Том. ун-та. 2016.
15. Бардина П.Е. *Сказания земли Томской: хрестоматия*. Томск: Томский государственный педагогический университет. 2004.
16. Попов М.А., Ляхович М.С. Богатыри и духи рубежского анклава: о некоторых результатах причулымской экспедиции 2019 г. *Фольклор: структура*,

типология, семиотика. 2019;2(3):162–191. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-3-162-191>.

17. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Санкт-Петербург: АО Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. 1896.

18. Дыренкова Н.П. *Шорский фольклор*. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР. 1940.

19. Функ Д.А. *Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов*. Москва: Наука. 2005.

20. Функ Д.А. *Шорский героический эпос*. Кемерово: Примула. 2010.

21. Сатанар М.Т. Особенности мифологического хронотопа в якутском и шорском эпосе. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2021;23(2):259–279. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039>

22. Кузьмина Е.Н. *Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)*. Новосибирск: Издательство СО РАН. 2005.

23. Лукина Н.В., Новик Е.С. *Мифы, предания, сказки хантов и манси*. Москва: Наука. 1990.

24. Лемская В.М. Чулымско-тюркский текст. *Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов Обско-Енисейского языкового ареала*. Томск: Вайар. 2013:295–345.

25. Манджиева Б.Б. Образ богатырского коня в синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара». *Новый филологический вестник*. 2024;3(70):409–419.

26. *Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала* / ред. А.Ю. Фильченко. Томск: Вайар. 2013.

27. Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. *Turkic Languages*. 2010;14(1):113–126 (на англ.).

28. Функ Д.А. *Телеутский фольклор*. Москва: ИЭА РАН. 2020.

29. *Махабхарата. Книга первая: Адипарва*. Москва, Ленинград: Наука. 1950.

30. Данилова А.Н. Мотив чудесного рождения героя в текстах олонхо Вилуйского региона. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;12–4(78):17–19.

31. Ермакова Л.М. О некоторых материальных мотивах в японской мифологии. *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2024;7(4):42–64. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2024-7-4-42-64>

32. Пелих Г.И. *Происхождение селькупов*. Томск: Издательство ТГУ. 1972.

33. Попов М.А., Функ Д.А. Неопубликованные нижнечулымские тексты в записи А.П. Дульзона 1948 г. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;1(47):160–176. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-160-176>

References

1. Lemskaya VM, Tokmashev DM, Zimin MM, et al. Field studies of the Chulyum-Turkic language: history and expeditions of 2023. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024;2(50):120–130. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-120-130> (in Russian).
2. Tokmashev DM, Lemskaya VM. The category of possession in the Teleut and Chulyum-Turkic languages: nominal constructions. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2015;4(10):24–35 (in Russian).
3. Radlov VV. *Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Part II. Abakan (Sagai, Koibal, Kacha), Kyzyl and Chulyum (Kuerik) Subdialects*. Saint Petersburg. 1868 (in Russian).
4. L-v N. Trip of His Grace Makary, Bishop of Biysk, to the Chulyum foreigners of the Mariinsky district. *Tomsk Diocesan Gazette*. 1886;(8):15–21 (in Russian).
5. Malov SE. Report on the trip of the student of the Faculty of Oriental Studies Sergei Efimovich Malov. *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia in Historical, Archaeological and Anthropological Aspects*. Saint Petersburg. 1909;(9):35–46 (in Russian).
6. Dulzon AP. The Chulyum Tatars and their language. *Scientific Bulletin of Tomsk State Pedagogical Institute*. 1952;(9):76–211 (in Russian).
7. Dulzon AP. The Chulyum-Turkic language. In: *Languages of the Peoples of the USSR. Vol. II. Turkic Languages*. Moscow: Nauka. 1966:446–466 (in Russian).
8. Abdrakhmanov MA. Chulyum-Turkic texts (Middle Chulyum dialect). In: *Languages and Toponymy of Siberia. Vol. II*. Tomsk: Tomsk University Press. 1970:58–69 (in Russian).
9. Biryukovich RM. *Vocabulary of the Chulyum-Turkic language. A manual for a special course*. Saratov: Saratov University Press. 1984 (in Russian).
10. Biryukovich RM. *The Structure of the Chulyum-Turkic Language*. Doctor's dissertation (Philology). Moscow. 1980 (in Russian).
11. *Annotated Folklore Texts of the Ob-Yenisei Language Area* / ed. AYu. Filchenko. Tomsk: Veter. 2010 (in Russian).
12. Kondiyakov AF, Lemskaya VM. *The Chulyum-Turkic language of the village of Pasechnoye, Tyukhtetsky District, Krasnoyarsk Krai: 2007–2021*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 2021 (in Russian).
13. Biryukovich RM. On some historical alternations in the Chulyum-Turkic language. *Problems of Altaic and Mongolian Studies. Issue 2. Linguistics Series*:

Proceedings of the All-Union Conference, Moscow: Nauka. 1975:274–279 (in Russian).

14. *Book of Remembrance of Residents of the Tomsk Region Repressed in the 1920s – Early 1950s*. Tomsk: Tomsk University Press. 2016 (in Russian).

15. Bardina PE. *Legends of the Tomsk Land: A Reader*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. 2004 (in Russian).

16. Popov MA, Lyakhovich MS. Heroes and spirits of the Rubezhsk enclave: on some results of the Chulym expedition of 2019. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019;2(3):162–191. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-3-162-191> (in Russian).

17. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Saint Petersburg: FA. Brockhaus – IA. Efron JSC. 1896 (in Russian).

18. Dyrenkova NP. *Shor Folklore*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1940 (in Russian).

19. Funk DA. *Worlds of Shamans and Storytellers: A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials*. Moscow: Nauka. 2005 (in Russian).

20. Funk DA. *Shor Heroic Epic. Vol. I*. Kemerovo: Primula. 2010 (in Russian).

21. Satanar MT. Features of the mythological chronotope in the Yakut and Shor epic. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 2021;23(2):259–279. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039> (in Russian).

22. Kuzmina EN. *Index of Typical Places in the Heroic Epic of the Peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts)*. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2005 (in Russian).

23. Lukina NV, Novik ES. *Myths, Legends, Tales of the Khanty and Mansi*. Moscow: Nauka. 1990 (in Russian).

24. Lemskaya VM. Chulym-Turkic text. In: *Collection of Annotated Folklore and Everyday Texts of the Ob-Yenisei Language Area*. Tomsk: Vayar. 2013:295–345 (in Russian).

25. Mandzhieva BB. The image of a heroic horse in the Xinjiang-Oirat epic tradition of “Dzhangar”. *New Philological Bulletin*. 2024;3(70):409–419 (in Russian).

26. *Collection of Annotated Folklore and Everyday Texts of the Ob-Yenisei Language Area* / ed. AYu. Filchenko. Tomsk: Vayar. 2013 (in Russian).

27. Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. *Turkic Languages*. 2010;14(1):113–126.

28. Funk DA. *Teleut Folklore*. Moscow: IEA RAS. 2020 (in Russian).

29. *The Mahabharata. Book One: Adi Parva*. Moscow; Leningrad: Nauka. 1950 (in Russian).

30. Danilova AN. The motif of hero's miraculous birth in the texts of the olonkho of the Vilyuysk region. *Philology. Theory & Practice*. 2017;12–4(78):17–19.

31. Ermakova LM. On some continental motifs in Japanese mythology. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2024;7(4):42–64. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2024-7-4-42-64> (in Russian).

32. Pelikh GI. *The Origin of the Selkups*. Tomsk: Tomsk State University Press. 1972 (in Russian).

33. Popov MA, Funk DA. Unpublished Lower Chulym Texts Recorded by AP. Dulzon in 1948. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;1(47):160–176. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-160-176> (in Russian).

Об авторах

ЛЕМСКАЯ Валерия Михайловна – кандидат филологических наук, заместитель директора, Институт иностранных языков и международного сотрудничества, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-3463>, WoS ResearcherID AAQ-6548-2021, Scopus Author ID 57148428900, Elibrary AuthorID: 600011; SPIN: 4639-0510, e-mail: lemskaya@tspu.ru

ПОПОВ Михаил Андреевич – докторант, Департамент социологии и антропологии, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0445-6930>, Elibrary AuthorID: 1057160; e-mail: mikhail.popov@mail.huji.ac.il

About the authors

Valeriya M. LEMSKAYA – Cand. Sci. (Philology), Deputy Director, Institute of Foreign Languages and International Cooperation, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3644-3463>, WoS ResearcherID: AAQ-6548-2021, Scopus Author ID: 57148428900, Elibrary AuthorID: 600011; SPIN: 4639-0510, e-mail: lemskaya@tspu.ru

Mikhail A. POPOV – Ph.D. Student, Department of Sociology and Anthropology, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0445-6930>, Elibrary AuthorID: 1057160, e-mail: mikhail.popov@mail.huji.ac.il

Вклад авторов

Лемская В.М. – общее руководство исследованием, разработка концепции и методологии, расшифровка языковых данных, лингвистический анализ текста, создание черновика рукописи

Попов М.А. – организация доступа к оригиналу рукописного текста, историко-этнографический анализ текста, его интерпретация, анализ параллелей сюжета и мотивов в фольклоре других народов мира, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Valeriya M. Lemskaya – overall research management, concept and methodology development, language data deciphering, linguistic analysis of the text, drafting the manuscript

Mikhail A. Popov – organizing access to the original manuscript, historical and ethnographic analysis of the text, its interpretation, analysis of parallels in the plot and motifs in the folklore of other peoples of the world, drafting the manuscript

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 29.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 06.03.2026

Принята к публикации / Accepted 15.03.2026